

В. И. Даль

**Толковый словарь живого великорусского
языка**

Том 1. А-З

УДК 93
ББК 63.3
Д15

Д15 **Даль В.И.**
Толковый словарь живого великорусского языка: Том 1. А-З / В. И. Даль – М.: Книга по Требованию, 2024. – 684 с.

ISBN 978-5-518-07624-2

ISBN 978-5-518-07624-2

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Но лучше не станем оправдываться въ поголовномъ грѣхѣ своемъ—у насъ же пришла нынѣ пора покаянія—а скажемъ просто и прямо, какъ дѣло есть, что пишемъ такъ, какъ пишется, не потому, что бы это было хорошо, полезно и красиво, а что такъ видно было намъ доселѣ на роду написано; въ молодости негдѣ и нѣкогда было научиться поруски, а возмужавъ, намъ стало и лѣнь, и опять таки негдѣ и нѣкогда. Да, за недосугомъ, когда нибудь безъ покаянія умрешь!

Но съ языкомъ, съ человѣческимъ словомъ, съ речью, безнаказано шутить нельзя; словесная речь человѣка, это видимая, осязаемая связь, союзное звено между тѣломъ и духомъ: безъ словъ нѣтъ сознательной мысли, а есть развѣ одно только чувство и мычанье. Духъ не можетъ быть пороченъ, въ маломъ та же душа—ума много, да вонъ нейдетъ; отчего? Вещественные снаряды служатъ ему превратно, они искажены; духъ ими пригнетенъ, онъ подъ спудомъ, а безъ вещественныхъ средствъ этихъ, въ вещественномъ мѣрѣ, духъ ничего сдѣлать не можетъ, не можетъ даже проявиться.

Какой ученый нѣмецъ повѣрилъ бы, лѣтъ за двѣсти, что языкъ его, развѣ за малыми изъятіями, вовсе не нуждается въ латыни съ нѣмецкимъ окончаніемъ? А между тѣмъ, дѣло обошлось, благодаря отрезвившимся отъ мороки дѣлателей; истина устояла, а ложь погибла. Передъ нами же и другой, обратный примѣръ: у сосѣдей нашихъ, братьевъ одного корня, славянской языкъ слился съ западными языками и образовалъ новый языкъ, обильный принятыми въ себя источниками; но отъ этого насилія его обдало мертвизною и онъ окоснѣлъ, что ярко выразилось утратою имъ своего слогаударенія, которое разъ на всегда замерло на предпоследней гласной.

Не знаю на сколько мнѣ, надсѣдаясь, удастся убедить въ истинахъ этихъ читателя, но знаю, что онѣ укрѣпились во мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я началъ сознательно жить; иначе, конечно не стало бы меня на то, что бы отдать полжизни некорыстному труду, коего конца я никогда не чаялъ увидѣть.....

И вотъ съ какою цѣлью, въ какомъ духѣ, составилъ мой словарь: писалъ его не учитель, не наставникъ, не тотъ, кто знаетъ дѣло лучше другихъ, а кто болѣе многихъ надъ нимъ трудился; ученикъ, собиравшій весь вѣкъ свой по крупницѣ то, что слышалъ отъ учителя своего, *живаго рускаго языка*. Много еще

надо работать, чтобы раскрыть сокровища нашего роднаго слова, привести ихъ въ стройный порядокъ и поставить полный, хорошій словарь; но безъ подносчиковъ палаты не строятся, надо приложить много рукъ, а работа черна, невидная, некорыстная.....

Съ той поры, какъ составитель этого словаря себя помнить, его тревожила и смущала несоборность писменнаго языка нашего съ устною речью простаго рускаго человѣка, не сбитаго съ толку грамотействомъ, а стало быть и съ самимъ духомъ рускаго слова. Не разсудокъ, а какое то темное чувство строптиво упиралось, отказываясь признать этотъ нестройный лепетъ, съ отголоскомъ чужбины, за рускую речь. Для меня сдѣлалось задачей выводить на справку и повѣрку: какъ говорить книжникъ, и какъ выскажетъ въ бесѣдѣ ту же, доступную ему мысль, человѣкъ умный, но простой, неученый—и нечего и говорить о томъ, что перевѣсь, по всѣмъ прилагаемымъ къ сему дѣлу мѣриламъ, всегда оставался на сторонѣ послѣдняго. Не будучи всилахъ уклониться ни на волосъ отъ духа языка, онъ поневолѣ выражается ясно, прямо, коротко и изящно.

Жадно хватая налету родныя речя, слова и обороты, когда они срывались съ языка въ простой бесѣдѣ, гдѣ никто не чаялъ согладатая и лазутчика, этотъ записывалъ ихъ, безъ всякой иной цѣли и намѣренья, какъ для памяти, для изученія языка, потому что они ему нравились. Сколько разъ случалось ему, среди жаркой бесѣды, выхвативъ записную книжку, записать въ ней оборотъ речи, или слово, которое у кого нибудь сорвалось съ языка—а его никто и не слышалъ! Всѣ спрашивали, никто не могъ припомнить чѣмъ либо замѣчательное слово—а слова этого не было ни въ одномъ словарѣ, и оно было чисто руское! Прошло много лѣтъ, и записки эти выросли до такого объема, что, при бродячей жизни, стали угрожать требованьемъ особой для себя подводки (*). Пришлось призадуматься надъ ними, и рѣшить, хламъ ли это, съ коимъ надо развязаться, сваливъ его въ первую сорную яму, или хламъ этотъ рядъ-дѣлу, и

* Живю приключливо пропажу моего въчюнаго верблюда, еще въ походѣ 1829 года, въ военной суматохѣ, перехода за два до Адрианополя: товарищи мой горевали по любимомъ кларнетѣ своемъ, доставшемся, какъ мы полагали, туркамъ, а я осиротѣлъ, съ утратою своихъ записокъ: о ченолавахъ съ одежей мы мало заботились. Бесѣда съ солдатами всѣхъ мѣстностей широкой Руси доставляла мнѣ обильные запасы, для изученія языка, и все это погубило. Къ счастью казаки подхватили гдѣ-то верблюда, съ кларнетомъ и съ записками, и черезъ педѣлю привели его въ Адринополь. Бывшій при немъ денщикъ мой пропалъ безъ вѣсти.

съ добрымъ притворомъ пойдетъ въ квашню, и дастъ хлѣбы, и насытитъ?

Просмотрѣвъ запасы свои, собиратель убѣдился, что въ громадѣ сору накопилось много хлѣбныхъ крупницъ, кои, по рускому повѣрью, бросать грѣшно.

Началась разборка въ азбучномъ порядкѣ (*), и, за отдѣленіемъ небольшого числа пѣсень (переданныхъ П. В. Кирѣевскому) и нѣсколькихъ стопъ сказокъ (отданныхъ Г. Аванасьеву), выбралось на очистку десятка два кипъ въ листъ, относящихся до языка, пословицъ, словъ и оборотовъ речи. Что съ ними дѣлать? обработать и издать въ видѣ запасовъ или прибавленія къ словарямъ—работы много, а толку мало; выдѣть ни то ни се, да и пригодно развѣ тому только, кто бы самъ сталъ работать словарь; покинуть, не обработывая—жаль, сердце не къ тому лежитъ; передать кому нибудь, кто бы смогъ и захотѣлъ заняться этимъ дѣломъ—такъ нѣтъ въ виду такихъ людей, да и половины краткихъ замѣтокъ моихъ никто безъ меня не пойметъ; хорошо бы принскать товарища, къ которому, вмѣстѣ съ запасами своими, можно было бы примкнуть помощникомъ, и работать вмѣстѣ—но, сколько ни думалъ, и такого человѣка не знаю.

Одинъ изъ бывшихъ министровъ просвѣщенія (Кн. Шихматовъ), по дошедшимъ до него слухамъ, предложилъ мнѣ передать академіи запасы свои, по принятой въ то время расцѣнкѣ: по 15 коп. за каждое слово, пропущенное въ словарь академіи, и по 7½ коп. за дополненіе и поправку. Я предложилъ, взаимѣ этой сдѣлки, другую: отдаться совѣмъ, и съ запасами, и съ посильными трудами своими, въ полное распоряженіе академіи, не требуя и даже не желая ничего, кромѣ необходимаго содержанія; но на это не согласились, а повторили первое предложеніе. Я отправилъ 1000 прибавочныхъ словъ и 1000 дополненій, съ надписью: *тысяча первая*. Меня спросили, много ли ихъ еще въ запасѣ? Я отвѣчалъ, что вѣрно не знаю, но во всякомъ случаѣ десятки тысячъ. Покупка такого склада товара, сомнительной доброты,

(*) Сдѣлаю пока семь пустую, но важную въ приемахъ такого дѣла замѣтку: всѣ подобныя сборники должны писаться вчернѣ, въ запискахъ, на одной только страницѣ, покидая другую пробѣломъ; тогда можно въ свое время растячь ихъ и подобрать въ какомъ угодно порядкѣ, называя или прилепая столбцами. Если объ этомъ не подумать вовремя, то придется переписывать слова по крайней мѣрѣ цѣлую половину запасовъ, что отниметъ много времени и можетъ прибавить нѣсколько ошибокъ и опечатокъ.

по видимому не входила въ расчетъ, и сдѣлка оборвалась на первой тысячѣ.

Что же дальше дѣлать? очевидно надѣяться на Бога да на себя, и самому приниматься за дѣло; я зашелъ слишкомъ далеко и дѣваться некуда, бросать всѣхъ запасовъ этихъ нельзя.

Собиратель не пугался того, что на дѣло это едва ли станетъ всего остатка жизни его, предоставивъ развѣ навсегда заботу о жизни и смерти providѣнцію, но онъ робѣлъ передъ трудностію задачи, считая ее непосильною для себя, и потому счелъ нужнымъ обсудить и взвѣсить напередъ беспристрастно силы и средства свои, то есть, познанія и способности. Оказалось наповѣрку, что первыхъ, для глубокаго, ученаго труда, было недостаточно, и именно доставало общихъ познаній языковѣденія и основательнаго знанія прочихъ славянскихъ языковъ и наречій; доставало даже и того, что у насъ называютъ основательнымъ знаньемъ своего языка, то есть, научнаго знанія грамматики, съ коюю составитель словаря искони былъ въ какомъ-то разладѣ, не умѣя примѣнить ее къ нашему языку и чуждаясь ее, не столько по разсудку, сколько по какому-то темному чувству опасенія, что бы она не сбила его съ толку, не ошкочарила, не стѣснила свободы пониманья, не обузила бы взгляда. Недовѣрчивость эта основана была на томъ, что онъ всюду встрѣчалъ въ русской грамматикѣ латынскую и нѣмецкую, а русской не находилъ.

Вотъ чего, по обсужденію его самого, ему доставало; а нашлось за то, во первыхъ, большой складъ запасовъ, не вошедшихъ доселѣ въ наши словари; во вторыхъ, сильное сочувствіе къ живому рускому языку, какъ ходитъ онъ устно изъ конца въ конецъ по всей нашей родинѣ, и нѣкоторое пониманіе его, близкое съ нимъ знакомство, могущее, хотя въ одномъ этомъ направленіи, замѣнить ученость; нашлась наконецъ и любовь къ нему, ручавшаяся за одоленіе труда, за стойкую, усидчивую работу надъ этимъ дѣломъ, поконечъ жизни. Кромѣ сего, разнородность занятій и службы: морской, военной, врачебной, гражданской, въ различныхъ частяхъ низшаго управленія, наклонность къ наукамъ естественнымъ и ко всѣмъ ремесловымъ работамъ, ознакомили его, по языку и по понятіямъ, съ бытомъ разныхъ сословій и состояній, наукъ и знаній.

Сведя итоги всѣхъ данныхъ, собиратель приободрился. Всего одному не дано, да и не обнять, а дана

всякому своя часть, свой талант, который онъ и обязанъ пускать въ оборотъ, а не зарывать, вмѣстѣ съ собою, въ землю. Кому много дано, съ того много и взыщется. Найдутся болѣе даровитые и ученые труженики, коиъ уже легче будетъ дополнить то, чего недостаетъ, найдя одну часть дѣла готовою. Можетъ быть именно тотъ, кто успѣшно введетъ въ рускій словарь сравненія со всѣми славянскими наречіями, кто вставитъ и нашъ древній языкъ и указанія на начальные корни, можетъ быть онъ-то именно и затруднился бы составленьемъ той части, которая образуетъ основу и сущность моего словаря; во всякомъ же случаѣ дополнять и исправлять полегче, чѣмъ составлять вновь. Передній заднему мостъ.

И такъ, ограничась тѣми средствами и силами, какія нашлись, и положивъ живой, устный языкъ рускій, а паче народный, въ основу своего труда, собиратель рѣшился приступить къ дѣлу.

Но полагая народный языкъ въ основу словаря—потому что языкъ этотъ силенъ, свѣжъ, богатъ, кратокъ и ясенъ, тогда какъ письменный языкъ нашъ видимо пошлѣетъ, превращаясь въ какую-то прѣсную размазю—должно было напередъ разсудить, какъ смотрѣть на всѣ мѣстныя наречія или говоры, изъ коихъ языкъ народный слагается?

По нашему мнѣнію, дѣло это просто и ясно: за исключениемъ, на югъ и западъ, ближайшаго сосѣдства Малой и Бѣлой Руси, у насъ, на всю ширь Великой Руси, нѣтъ наречій, а есть развѣ одни только *говоры*. Говоръ отличается отъ языка и наречія однимъ только отбѣнкомъ произношенія, съ сохраненіемъ нѣсколькихъ словъ старины, и съ прибавкою весьма немногихъ, образованныхъ на мѣстѣ, реченій, всегда вѣрныхъ общему духу языка. У насъ вовсе нѣтъ того, что другіе народы зовутъ *жаргономъ*, чему у насъ и нѣтъ даже названья, то есть, наречія искаженнаго, картаваго, порожденія племени, принявшаго, по обстоятельству, чужой языкъ и обработавшаго его по своему; у насъ есть нѣчто подобное только у подубрусьскихъ инородцевъ, да и тѣ, особенно чудскія племена, удивительно быстро русьютъ, и тогда вполне усваиваютъ себѣ духъ нашего языка. Наши мѣстные говоры законныя дѣти рускаго языка, и образованы правильнѣе, вѣрнѣе и краше, чѣмъ нашъ письменный жаргонъ. Въ семъ отношеніи мы поставлены въ болѣе счастливое положеніе, чѣмъ западные европейцы, но доселѣ, обойденные лѣшимъ пристрастіемъ, подражанья

и тщеславія, избалованные привозомъ всего готоваго изза-морья, мы небрегли своимъ, въ чаюніи, что и готовый, обработанный, развитый языкъ, безъ котораго образованному обществу и жить и быть нельзя, подвезутъ намъ оттуда же, заодно съ винами и чепцами.

Напишите слово, называемое вами областнымъ, какъ мы вообще пишемъ, не поддаваясь подъ говоръ, а какъ оно, по образованію своему, должно писаться, и смѣло ставьте его на свое мѣсто, въ общій великорускій словарь. Изъятіи найдется немного, и тамъ только, гдѣ какая либо чуждая, побочная стихія внесла искаженія, чему примѣромъ могутъ служить губерніи исковская и отчасти тверская; тамъ попадаются передѣлки на польскій или бѣлорускій ладъ и слышна понинѣ *Литва*, какъ въ новороссійскомъ краѣ всюду отзывается наречіе малорусское. Но это относится только до нѣсколькихъ словъ, а оборотамъ русской речи можемъ поучиться во всякой мѣстности Руси, во всякой деревушкѣ, во всякой лачугѣ.

Предвидя, что слова эти будутъ перетолкованы, повторяю, для людей добронамѣренныхъ, что вовсе не утверждаю, будто вся народная речь, ни даже всѣ слова речи этой, должны быть внесены въ образованный рускій языкъ; я утверждаю только, что мы должны изучить простую и прямую рускую речь народа, и усвоить ее себѣ, какъ все живое усвоитъ себѣ добрую пищу и претворитъ ее въ свою кровь и плоть.

Вотъ почему такъ называемыя областныя слова, нерѣдко общія весьма различнымъ и отдаленнымъ другъ отъ друга говорамъ и мѣстностямъ, вошли въ этотъ словарь, и притомъ, какъ замѣчено было къ-то съ крайнимъ изумленьемъ, нерѣдко рядкомъ съ самыми крутыми французскими словами, кои, въ азбучномъ порядкѣ, пришли бокъ-о-бокъ съ вятскими и рязанскими. Но не я вводилъ первые въ печатный языкъ, и не моя воля изгнать ихъ; а куда же я ихъ дѣну, коли не на свое мѣсто, по азбукѣ?

И такъ, этотъ вопросъ не заставилъ дѣлателя задуматься: слова, речи и обороты всѣхъ концовъ Великой Руси, для изученія живаго языка, должны войти въ словарь, но не для безусловнаго включенія ихъ въ письменную речь, а для изученія, для знанія и обсужденія ихъ, для изученія самого духа языка и усвоенія его себѣ, для выработки изъ него постепенно своего, образованнаго языка. Читатель, а тѣмъ паче писатель, сами разберутъ, что и въ какомъ случаѣ

можно принять и включить въ образованный языкъ. Но нашлись другія заботы, другое раздумье, которое рѣшить было не такъ легко и просто: какой видъ придать словарю, какъ его обработать, въ какомъ, изъ принятыхъ для словарей, порядкѣ?

Одноязычные словари доселѣ составлялись двояко: либо всѣ, безъ изыятія, слова подбирались сподрядъ въ азбучномъ порядкѣ, и каждое слово объяснялось по себѣ, будто иныхъ прочихъ и не бывало, либо слова подбирались цѣлыми ватагами подъ одинъ общій корень.

Первый способъ крайне тупъ и сухъ. Самыя близкія и сродныя реченія, при законномъ измѣненіи своемъ на второй и третьей буквѣ, разносятся далеко врозь, и томятся тутъ и тамъ въ одиночествѣ; всякая живая связь речи разорвана и утрачена; слово, въ коемъ не менѣе жизни какъ и въ самомъ человѣкѣ, терпнеть и коснѣеть; одни и тѣ же толкованія должны повторяться нѣсколько разъ; читать такого словаря нѣтъ силъ, на десятомъ словѣ умъ притупѣетъ и голова вскружится, потому что умъ нашъ требуетъ во всемъ какой нибудь разумной связи, постепенности и послѣдовательности. Притомъ, на какую потребу идетъ такой словарь? Мертвый списокъ словъ не помощь и не утѣха; одноязычный словарь пишется не для школьниковъ и не для иноземцевъ, и потому развѣ изрѣдка только рускому человѣку могло бы случиться отыскивать встрѣченное гдѣ либо, неизвѣстное ему, русское слово, и одинъ этотъ, довольно рѣдкій, случай, не вознаградилъ бы, ни трудовъ составителя, ни даже самой покупки словаря.

Второй способъ, корнесловный, очень труденъ на дѣлѣ, потому что знаніе корней образуетъ уже по себѣ цѣлую науку и требуетъ изученія всѣхъ сродныхъ языковъ, не исключая и отжившихъ, и при всемъ томъ основанъ на началахъ шаткихъ и темныхъ, гдѣ безъ натяжекъ и произволу не обойдешься; сверхъ сего порядокъ корнесловный, при отысканіи словъ, предполагаетъ въ писателѣ и въ читателѣ не только равныя познанія, но и одинаковый взглядъ и убѣжденія, на счетъ отнесенія слова къ тому либо другому корню. Въ такомъ словарѣ, не только *братъ*, *бранье*, *бирка* и *бирюлька* войдутъ въ одну общую статью, но тутъ же будетъ и *беремя*, и *собирать*, *выбирать*, *перборъ*, *разборчивый*, *отборный*, и однимъ словомъ, въ каждую статью, подъ общій корень, войдетъ чуть ли не вся азбука. Это требуетъ особаго, объемистаго

указателя, и заставляетъ отыскивать каждое слово по дважды, а потому и докучаетъ и утомляетъ. Корнесловный словарь можетъ только повершить рядъ словарей вполне обработаннаго розысками языка, какъ особый ученый трудъ, по заготовленнымъ запасамъ; но, какъ противоположная азбучному словарю крайность, онъ для обиходу также не удобенъ.

Обсудивъ все это и сдѣлавъ нѣсколько неудачныхъ попытокъ въ томъ и другомъ родѣ, составитель снова обратился къ азбучному порядку, не видя иного исхода изъ этой раздорожицы. Въдѣ словари на всѣхъ языкахъ составлены же этимъ порядкомъ, стало быть это находить удобнымъ..... беру опять такой словарь въ руки, перелистываю его день, и другой—но наконецъ, съ тревожнымъ чувствомъ, откладываю его въ сторону. Нѣтъ, такой словарь мнѣ не рука. Какъ я его пушу въ дѣло, какъ вызову изъ него и отрою всѣ сокровища, сокрытыя въ двухъ доскахъ? Найти слова, котораго у меня не хватаетъ, я не могу; просмотрѣть сряду слова самыя близкія и сродныя, что бы освоиться съ основнымъ значеніемъ словъ этого корня, отыскать подъ общимъ, родовымъ понятіемъ нужныя мнѣ выраженія, оглянуть законъ и порядокъ словопроизводства, чтобы осмыслить речь свою,— не могу, все раскинуто врозь; однимъ словомъ, это не словарь, а то, что называютъ *вокабулами*, это списокъ, сборникъ словъ, для затверженія наизусть, поднизка словъ, безъ связи и смысла, для крайне ограниченаго употребленія, и болѣе для иностранца, чѣмъ для рускаго.

Но вглядываясь въ эти бесконечныя столбцы словъ, видишь наконецъ, что съ небольшою перетасовкой, и за исключеніемъ малаго числа реченій, примѣшавшихся со стороны и забывшихся, по азбучному праву, промежъ чужой имъ семьи, всѣ остальные, цѣлыми купами, показываютъ очевидную семейную связь и самое близкое родство; устранивъ понятіе о корняхъ, въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ ученые его понимаютъ, никто, напримѣръ, не усомнится, что *стоять*, *стойка* и *стоило* одного гнѣзда птенцы; да сверхъ того, у нихъ и первыя три начальныя буквы однѣ и тѣже; а между тѣмъ они, по четвертой буквѣ своей, разнесены врозь (Слов. Акад.) на семь печатныхъ столбцевъ! Расматривая эти родственныя отношенія ближе, мы находимъ, что такая связь представляетъ въ нашемъ языкѣ особый и общій законъ, который даетъ намъ неизмѣнныя правила образованія словъ

звеньями, цѣпью, гроздами, также точно, какъ мы, по общему правилу, образуемъ отъ глагола причастія, а отъ нихъ наречія.

Въ самой вещи, не вдаваясь ни въ розыски о корняхъ, ни въ умствованія о томъ, какая часть речи родилась прежде, а какая послѣ, мы видимъ въ языкѣ своемъ слѣдующую, не подлежащую сомнѣнью, связь и сродство словъ:

Глаголъ, въ одномъ, въ двухъ или трехъ, а иногда и четырехъ видахъ, съ причастіями своими (прилагательными), наречіями отъ нихъ и существительными на *ость*; тотъ же глаголъ, съ окончаніемъ на *см*; тотъ же глаголъ, съ замѣною въ концѣ буквы *и* буквою *ь*; четыре имени (иногда менѣе, изрѣдка болѣе), выражающія дѣйствіе по глаголу, а два изъ нихъ также самый предметъ; отъ одного до пяти прилагательныхъ, удерживающихъ все то же понятіе глагола, но разнообразныхъ приложеніе окончаніями своими; наречія отъ сихъ прилагательныхъ; существительныя отъ нихъ, означающія свойство, состояніе по нимъ; еще имена, выражающія не дѣйствіе, а предметъ, какъ слѣдствіе дѣйствія, и самого дѣятеля, лицо; еще прилагательныя, отъ этихъ именъ, и наконецъ, иногда, еще глаголъ, съ какимъ либо особымъ оттѣнкомъ отъ значенія глагола начальнаго, чѣмъ и поворачивается весь кругоборотъ словъ одной семьи.

Здѣсь означены только главные члены цѣлаго колѣбнія, а въ иной семьѣ попадаетъ еще много промежуточныхъ, какъ видно изъ любой статьи нашего словаря. Сюда относятся имена втораго колѣна, на *акъ*, *ецъ*, *ышъ*, *рокъ*, *дика*, *ѣнка*, также наречія (кромѣ произведенныхъ отъ прилагательныхъ) двухъ видовъ: своеобразныя (*торчмя*) и творительнымъ падежемъ (*торчкомъ*) и пр. и затѣмъ наконецъ слова сложныя, составныя. Замѣчательна легкая подвижность этихъ построений и жизненная связь ихъ со смысломъ: Гдѣ только дозволяетъ смыслъ, тамъ отъ глагола можетъ быть образовано требуемое слово, по неизмѣнному правилу; а гдѣ такое образованіе противно духу языка или самому смыслу, тамъ языкъ нашъ упорно отъ сего отказывается, а будучи изнасилованъ, даетъ слова тяжеля, противныя слуху и чувству, безо всякой силы и значенія. Вотъ почему мы, заглушивъ въ себѣ природное, бессознательное чутье къ своему языку, лишаемся и силы и способности владѣть имъ и впадаемъ въ оскорбительныя для духа языка, мертвящія ошибки. Слово *мертвація* напомнило мнѣ именно одинъ

изъ такихъ примѣровъ: Думая не на своемъ языкѣ и передавая мысли свои въ переводѣ, мы невольно ищемъ словъ, подходящихъ складомъ къ реченіямъ иноязычнымъ; намъ, напримѣръ, понадобилось образовать изъ прилагательнаго *мертвый*, имя, придавъ ему еще особый оттѣнокъ значенія, не умершаго, а окованаго мертвящею силой, отбѣнѣлаго; по примѣру: *спертость*, *черствость*, надо бы сказать *мертвость*; но мы на грѣхъ на этотъ примѣръ не попали, а взяли за образецъ: *брежність*, *откровенность*, и пустили въ ходъ слово *мертвеинность*. Неправильное образованіе этого слова деретъ ухо, да сверхъ того, окончаніе *ость* почему-то противится требованію выразить состояніе обмершаго, а выражаетъ исконное состояніе; вотъ почему и *мертвость*, образованное правильно, не совсемъ отвѣчаетъ дѣлу; для выраженія этого понятія, надо было бы взять слово инаго образованія и окончанія, и сказать: *мертвейзно*, и оно бы высказало ясно то, что было на умѣ писателя. Не сдѣлаются ли отношенія эти яснѣе, не усвоимъ ли мы себѣ легче утраченный нами духъ языка, при томъ гнѣздомомъ или семейномъ порядкѣ составленія словаря, какой читатели видятъ нынѣ передъ собою?

При расположеніи словъ гнѣздами, я обычно начинаю съ глагола, но иногда имя взяло въ гнѣздѣ сводемъ такой перевѣсъ, что пущено впередъ. Есть много случаевъ, гдѣ глаголъ устарѣлъ, или даже вовсе утраченъ, а производныя слова полнымъ чередомъ сохранились. Это впрочемъ все равно, законъ языка таковъ, что одно вовсе не можетъ быть безъ другаго, и не только глаголъ или имя, но и все гнѣздо словъ такъ сказать появляется заразъ. Коли есть глаголы: *ходить*, *сидѣть*, *лежать*, то есть и *ходъ*, *хожденье*, и *сидка*, *сидѣнье*, и *лежка*, *лежанье* ипр. Поставлю ли я напередъ: *основывать*, *основать*, и уже затѣмъ: *основыванье*, *основанье*, *основъ*, *основа*, или начну съ *основъ*, все послѣ глагола должны слѣдовать имена, выражающія дѣйствіе его, а частію и предметъ, и выпустить здѣсь одно изъ нихъ, принятое за родоначальника семьи, неудобно, а оно должно бы повториться; затѣмъ слѣдуетъ и вся ватага прочихъ частей речи, какъ показано было выше. Въ одиночествѣ стоятъ только слова чужія или захожія, если они не усвоены и не передѣланы, со всѣмъ потомствомъ своимъ, на рускій ладъ, также иныя наречія, предложныя слова, да числительныя имена и частицы. Изъ тѣхъ и другихъ впрочемъ нерѣдко также образуются

глаголы, рождающіе, по общему закону языка, цѣлый рядъ словъ производныхъ. Изъ *три* выходитъ *троить*, изъ гл. *троить*: *троеніе*, *тройной*, *тройка*, и пр. изъ *ахъ* или *охъ*, дѣлается *ахать*, *охать*, а затѣмъ: *аханье*, *ахальный*, *ахала*, *ахальщикъ* ипр. Эта семья или гнѣздо словъ полнѣе у предложныхъ глаголовъ, кои вообще выражаютъ понятіе точнѣе, опредѣлительнѣе, прикладнѣе, а потому и болѣе слышны въ речи.

Кажется, будущая грамматика наша должна будетъ пойти симъ путемъ, то есть, развить напередъ законы этого словопроизводства, разумно обнявъ духъ языка, а затѣмъ уже обратиться къ рассмотрѣнію каждой изъ частей речи. Въ дѣлѣ этомъ такая жизненная связь, что брать для изученія и толковать отрывочно части стройнаго цѣлаго, не усвоивъ себѣ напередъ общаго взгляда, то же самое, что изучать строеніе тѣла и самую жизнь человѣка по раскинутымъ въ пространство волокнамъ растерзанныхъ членовъ человеческого тѣла. Какъ вѣрно схвачена была И. С. Аксаковымъ, при рассмотрѣніи имъ глаголовъ, эта жизненная, живая сила нашего языка! глаголы наши никакъ не поддаются мертвящему духу такой грамматики, которая хочетъ силою подчинить ихъ однимъ внѣшнимъ признакамъ; они требуютъ признанія въ нихъ силы самостоятельной, духовной, и покоряясь только ей, подчиняются разгаданнымъ внѣшнимъ признакамъ этой духовной силы, своего значенія и смысла. Такъ и самый человѣкъ никакъ не покорялся вещественному взгляду ученыхъ, отводившихъ ему мѣсто въ животной природѣ по зубамъ и ногтямъ, а сталъ послушно на свое мѣсто, когда положили въ основу бытія и различія его: разумъ, волю и бессмертную душу!

И такъ, вотъ тотъ порядокъ, то устройство словаря, на которое составитель рѣшился: собрать по семьямъ или гнѣздамъ все очевидно сродственные слова, устранивъ однако же предложныя, и тѣ производныя, въ коихъ измѣняются начальныя буквы; это попытка на способъ средний, между *голословнымъ* и *корнесловнымъ* словарями. Въ азбучномъ порядкѣ, для отыскивающихъ извѣстное слово, есть указанія, гдѣ его искать, и кажется, съ небольшимъ соблаженіемъ и навыкомъ, это никого не затруднитъ.

Причастія и дѣепричастія пропущены въ словарь, для сокращенія объема, какъ извѣстныя, по грамматикѣ, части глаголовъ; но въ сущности, *окруженный* и *окруженный* конечно не ближе въ родствѣ съ глаголомъ своимъ, чѣмъ *окруженіе* или *окружный*; и если

приг. *окруженный* также подразумѣвается въ глаголѣ *окружать*, то *окружаемость*, какъ свойство, способность быть округляему, требуетъ въ словарь своего мѣста. Увеличительныя, унизительныя ипр. показаны иногда, въ примѣрахъ, а краснымъ словомъ тогда только, когда за ними есть особое значеніе, или когда они обратились въ самостоятельныя слова, утративъ производный смыслъ, какъ ипр. *рука* и *ручка*, *клять* и *клятка* ипр.

Многіе глаголы пополнены видами и, кажется, приведены въ болѣе ясный, отчетливый порядокъ, а спутываемыя доселѣ въ словаряхъ, по сходству въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, отдѣлены и объяснены, какъ напр. *выкатывать*, *выкатать бѣлье*; *выкатывать*, *выкатить бочку*; *выкачивать*, *выкачать воду*; *выкачивать*, *выкатить тривку*, выкромить, вырѣзать; вообще гл. *катать* и *качать*, *мѣшать* и *мѣсить* и другіе, особенно съ предлогами, смѣшивались, и потому значеніе ихъ объяснялось темно и запутано. Показано также замѣчательное превращеніе глаголовъ, не измѣняющихъ при семъ ни одной буквы, а по одному только смыслу, изъ одного вида въ другой, наприм. *Я сроду не выхаживалъ за городъ*: это грамматики зовутъ видомъ многократнымъ; *я выхаживаю въ недѣлю весь городъ*; *выхаживаю, въ разсыльныхъ, по рублю въ день*, это видъ неокончательный или неопредѣленный.

Предложные глаголы нельзя было, по корнесловному порядку, присоединять къ простымъ или кореннымъ: это бы слишкомъ затруднило отысканіе ихъ, да притомъ многіе изъ нихъ сами наплодили такое обильное потомство, что требуютъ отдѣльнаго мѣста; но при каждомъ коренномъ глаголѣ показаны примѣры сочетанія его со всеми подходящими къ нему предлогами.

При словахъ, гдѣ казалось полезнымъ указать на происхожденіе или родство ихъ, хотя такіе родичи нерѣдко, всилу азбучнаго порядка, разнесены другъ отъ друга, указаніе это сдѣлано въ скобкахъ, иногда въ видѣ намека и однимъ словомъ, а нерѣдко и съ вопросительнымъ знакомъ, какъ дѣло нерѣшеное. Но это не значить, чтобы такое слово признавалось корнемъ, ни даже ближайшимъ сродникомъ объясняемаго слова, а оба они сведены только рядомъ, въ чашии однокоренности ихъ, и указаніемъ этимъ два разрозненныя гнѣзда связываются промежуточнымъ звеномъ. Присемъ составитель словаря старательно избѣгалъ ошибочнаго производства (чему множество примѣровъ у Рейфа)

и боялся приговорить въ такомъ темномъ дѣлѣ. Ошибочная натяжка словъ къ чужому корню, по одному созвучію, много вредитъ изученію языка, лишая слово природной связи и жизни. Корнесловъ Шимкевича вообще составленъ гораздо основательнѣе Рейфа и съ русскимъ чувствомъ, но у него почти голый списокъ корней, безъ показанія относимыхъ къ нему словъ, что нерѣдко ставитъ читателя въ недоумѣніе; такъ напримѣръ, я не могу узнать, къ какому корню относится онъ *бирка* и *бирюлька*: подходящаго корня нѣтъ, а подъ *братъ* показано одно только производное слово: *бремя*. Корня *бас* у него нѣтъ вовсе; куда же онъ относитъ *басый*, *баской*, *басить*, *басловка*, ипр. это неизвѣстно.

Указанія на отечество чужихъ словъ у меня вообще неполны и поверхностны; не пускаясь глубоко въ корнесловіе своего, а тѣмъ менѣе чужихъ языковъ, составитель указываетъ только на ближайшій источникъ, на греческій, латынскій, французскій, нѣмецкій языкъ, откуда слово перешло къ намъ, хотя бы оно и было испанскимъ, арабскимъ, еврейскимъ или санскритскимъ. Если бы пускаться въ такіе розыски, то всѣ почти французскія слова должны бы называться латынскими, готскими, кельтическими, а болѣе половины чисто русскихъ словъ пришлось бы отнести къ санскритскимъ. Я также, въ реченіяхъ науки или ремесла, болѣею частью не означалъ, съ какаго языка взято слово; морскія выраженія голандскія и англійскія, горныя—нѣмецкія, военныя—нѣмецкія и французскія, врачевныя—латыскія и греческія ипр. думаю, что это всякому извѣстно и что подобныя указанія, въ такомъ словарѣ, какъ мой, не важны.

Грамматическія указанія въ словарѣ вообще скудны, потому что оказываются, то ничтожными и бесполезными, то сбивчивыми и даже ложными; языкъ нашъ нынѣшней грамматикѣ своей не поддается. Приложение слова къ дѣлу, отношенія его въ построеніи речи, управленіе или зависимость всюду объяснены примѣрами, и въ нихъ должно искать объясненія всѣхъ подобныхъ вопросовъ.

При объясненіи и толкованіи слова вообще избѣгались сухія, бесплодныя опредѣленія, порожденія школярства, потѣха зазнавшейся учености, не придающая дѣлу никакого смысла, а напротивъ, отрѣшающая отъ него высокопарною отвлеченностію. Передача и объясненіе одного слова другимъ, а тѣмъ паче десяткомъ другихъ, конечно вразумительнѣе всякаго

опредѣленія, а примѣры еще болѣе поясняютъ дѣло. Само собою, что переводъ одного слова другимъ очень рѣдко можетъ быть вполне точенъ и вѣренъ; всегда есть отбѣнокъ значенія, и объяснительное слово содержитъ, либо болѣе общее, либо болѣе частное и тѣсное понятіе; но это неизбежно, и отчасти исправляется большимъ числомъ тождеслововъ, на выборъ читателя. Каждое изъ объяснительныхъ словъ найдется опять на своемъ мѣстѣ, и тамъ, въ свою очередь, объяснено подробнѣе. Набирая однослова эти, собиратель, не призадумываясь, включалъ туда же и такъ называемыя областныя выраженія, кои, болѣею частію, могутъ войти въ общій расхожіи запасъ, какъ это объяснено было выше. Не мѣшаетъ впрочемъ замѣтить, что зная языкъ свой въ крайне ограниченномъ объемѣ, въ предѣлахъ нынѣшней писменности, мы весьма часто считаемъ областными, выраженія общія почти всей русской землѣ, потому что мы ихъ не знаемъ и что они доселѣ были чужды писменному языку.

Въ числѣ примѣровъ, пословицы и поговорки, какъ коренныя рускія изреченія, занимаютъ первое мѣсто; ихъ болѣе 30 тысячъ, и они напечатаны тою же искомью, какъ и всѣ примѣры. Для простаго словаря или словотолковника, ихъ мѣстами нанизано слишкомъ много; ради примѣра, было бы достаточно двухъ или трехъ, а десятки можно бы выкинуть. Но я смотрѣлъ на это дѣло иначе: при бѣдности примѣровъ хорошей русской речи, рѣшено было включить въ словарь *народнаго языка* всѣ пословицы и поговорки, сколько ихъ можно было добыть и собрать; кому онѣ не любы, тотъ легко можетъ перескочить черезъ нихъ, такъ какъ онѣ напечатаны косымъ наборомъ, а иной, можетъ быть, выкинувъ въ этотъ дюжій складъ речи, увидитъ, что тутъ есть чему поучиться. Примѣровъ книжныхъ у меня почти нѣтъ, не потому чтобы я ими небрегъ, нѣтъ, я признаю это за недостатокъ словаря, а потому, что у меня не достало времени рыться за ними и отыскивать ихъ; для этого также нужны не дни, а годы.

Друзья совѣтовали было мнѣ отмѣчать ходячія реченія какимъ нибудь знакомъ, для отличія ихъ, по первому взгляду, отъ прочихъ, сочиненныхъ примѣровъ; но, не говоря о томъ, что дѣло было уже опоздано, что часть словаря вышла уже безъ такихъ отмѣтокъ, онѣ бы меня и весьма затруднили. Такой порядокъ или правило потребовало бы самаго рѣзкаго разгра-

ниченья, не только пословицъ, но и поговорокъ, отъ обычныхъ оборотовъ речи, кои между тѣмъ, въ живомъ языкѣ, незамѣтно взаимно сливаются, какъ и самыя пословицы переходятъ въ поговорки (см. *напутное слово* къ пословицамъ рускаго народа); провести между ними грани нельзя, ни же означить каждую изъ тѣхъ и другихъ особымъ знакомъ; такъ же точно и простые обороты речи, приводимые всюду въ словарь въ видѣ примѣровъ, нельзя разграничить съ поговорками, переходящими исподволь въ одинъ только простой, условный оборотъ речи.

Почти то же должно сказать объ отмѣткѣ особымъ знакомъ словъ, вновь вносимыхъ въ словарь, не бывшихъ до сего въ обиходѣ. Въ красную строку, въ число реченій напечатанныхъ крупнымъ наборомъ, отъ строки, собиратель ставилъ только слова читанія или слышанія имъ; да и по самому устройству словаря, гдѣ въ голову каждаго глѣзда поставленъ глаголь или другое починное слово, нельзя было начинать статью словомъ сомнительнымъ или неизвѣстнымъ, и къ нему подлизывать слова обиходныя. Но, при толкованіяхъ, а иногда и въ числѣ производныхъ словъ, могли попадаться и такія, кои доселѣ не писались, а можетъ быть даже и не говорились. Я не могу провести такой строгой черты, между словами читаными или слышанными когда и гдѣ нибудь, и между сложившимися подъ перомъ, при истолкованіи другихъ словъ; это особенно трудно при словахъ производныхъ, раждающихся по самому простому, общему закону, и при словахъ предложныхъ, конхъ никто не перечесть, и не составить списка бывшихъ и небывшихъ доселѣ гдѣ либо въ ходу. Кто выкуетъ какое нибудь словечко—какъ это водилось у насъ—приваривая одно слово къ другому, по греческому или церковно-славянскому образцу, тотъ конечно сознательно можетъ поставить при немъ въ скобкахъ ученое *шѣи*; но кто, не занимаясь такимъ сочиненьемъ, а принимая всякое имя или глаголь за начало, объясняетъ при нихъ и отродившіеся, по неизмѣнному закону, отроки или одноклѣздки, тотъ этого не можетъ. Онъ, неминуемо, иногда присвоилъ бы себѣ общее достояніе, или, наоборотъ, оставивъ слово, небывшее въ ходу, безъ отмѣтки, былъ бы обвиненъ въ подлогѣ. Вообще очевидно, что если письменный языкъ такъ мало развитъ и обработанъ, что на него ссылаться нѣтъ возможности, то нѣтъ и ручательства, кромѣ добросовѣстности словарника, который лишенъ возможности ука-

зать, откуда имъ взято слово, небывшее до того въ печати. Вотъ причины, по коимъ надо было отступиться отъ такихъ указаній.

Желаніе собирателя было составить словарь, о которомъ бы можно было сказать: „Реченія письменныя, безъсѣдныя, простонародныя; общія, мѣстныя и областныя; обиходныя, научныя, промысловыя и ремесленныя; иноязычныя усвоенныя и вновь захожія, съ переводомъ; объясненіе и описаніе предметовъ, толкованіе понятій общихъ и частныхъ, подчиненныхъ и сродныхъ, равносильныхъ и противоположныхъ, съ одною (тоже) словами и выраженіями окольными; съ показаніемъ различныхъ значеній, въ смыслѣ прямомъ и переносномъ или иноречіями; указанія на словопроизводство; примѣры, съ показаніемъ условныхъ оборотовъ речи, значенія видовъ глаголовъ и управленія падежами; пословицы, поговорки, присловья, загадки, скороговорки ипр.“ На сколько сочинитель отсталъ отъ такой, вовсе непосильной, задачи, это самому ему извѣстно, ближе и короче чѣмъ кому либо иному; ему удалось только, въ предѣлахъ рамки этой, собрать кой-что и пополнить собраное разными отрывочными свѣдѣніями. Подготовки для такого труда нашлось маловато, а жизнь коротка, досугу и не хватить. Работая не лѣнясь, насколько отъ дѣлъ насущныхъ оставалось часу, этотъ собиратель сдѣлалъ, что смогъ; а еслибы еще, хоть десять человекъ, сдѣлали столько же, то сводъ десятка такихъ словарей конечно далъ бы въ итогѣ не то, что одинъ!

Можетъ быть словарю не слѣдовало давать громкаго названія „Толковаго Словаря“, а приличнѣе, и во всякомъ случаѣ скромнѣе, было бы назвать его: „Запасы для толковаго словаря;“ но это показалось неудобнымъ: во первыхъ, заглавіе *опытъ* и *запасы* слишкомъ часто были придаваемы сочиненіямъ именно изъ одного только приличія, а вовсе не по убѣжденію; почему оцѣнщики наши извѣрились и судятъ съ одинаковою взыскательностью и по одной мѣркѣ, о книгахъ названныхъ опытомъ или запасомъ, и о тѣхъ, кои озаглавлены просто по содержанию, безъ такой скромной оговорки. Вовторыхъ, названія *опытъ* и *запасы* не идутъ къ сочиненію цѣльному и полному, не по содержанию конечно, а по объему; если словари, какіе были у насъ доселѣ, назывались не запасами, а словарями, то какъ же общій сводъ ихъ, съ прибавкою десятковъ тысячъ словъ, съ объясненіями и примѣрами гораздо болѣе полными и подробными, не назвать словаремъ?

Второй вопросъ: *толковый*. Стараясь принять значеніе каждаго слова, сперва, въ самомъ обширномъ смыслѣ его, объяснять затѣмъ значенія частныя, потомъ понятія подчиненныя, сродныя, противоположныя, сводить въ одну статью, семью или гнѣздо реченія одного начала или корня, поколику это согласуется съ азбучнымъ порядкомъ; указывая мѣстами на родство, связь и образованіе словъ, и стараясь придать всему этому взаимный смыслъ и толкъ человѣческой речи, составитель словаря полагаѣтъ, что долженъ, хотя однимъ словомъ, намекнуть на эти особенности. Въ заглавіе должно же выражать, на сколько можно, смыслъ и духъ сочиненія, а самое слово *толковый*, въ весьма недавнюю старину, означало именно то, что здѣсь хотѣлось высказать. По нынѣшнему, надо бы обойти слово это наборомъ речей въ двѣ строки, что для заглавія не совсѣмъ удобно. Сверхъ сего полагаю, что самое расположеніе словъ по гдѣздамъ, придающее цѣлому болѣе связи и смысла, даетъ и составителю право указать на особенность эту, и что *толковый* и въ семъ отношеніи прилично выражаетъ дѣло. Миѣ было замѣчено, что-де стало быть все прочіе словари бестолковы? Въ шутку, это замѣтить можно, но на дѣлѣ, *толковому чловѣку, речи, книгѣ*, противопоставляется *бестолковый*, а *толковому словарю, нетолковый*.

Вмѣсто *рускаго*, сказано *великорускаго* языка: кажется, это будетъ точнѣе и правильнѣе; этимъ обозначена ширина объема: малорусское и бѣлорусское наречіе, не говоря уже о прочихъ славянскихъ языкахъ, а также церковный, и нашъ же рускій, обветшавшій, исключены, по крайности стали необязательны для словаря, а могли войти въ него кой-гдѣ, по неразрывной связи своей съ цѣлымъ, для поясненій и толкованій. Объемъ этотъ еще яснѣе означился словомъ *живаго*, которое и указываетъ на желаніе, захватить все то, что среди нынѣшняго великорускаго народа можно услышать или прочитать.

Такой объемъ очевидно включаетъ и выраженія мѣстныя, областныя, и чужія, принятія изъ другихъ языковъ; первыя принадлежатъ народу, выросли на рускомъ корнѣ, много способствуютъ уразумѣнію и обогащенію языка, и приложены на обсужденіе и выборъ читателя, въ коемъ предполагается, какъ уже было сказано, не школьникъ, и не нѣмецъ, а любящій языкъ свой землякъ. О словахъ же иноземныхъ замѣчу, что если нынѣ и никакому словарнику не уго-

няться за пряткими набирателями и усвоителями всѣхъ языковъ запада, то по крайности въ словарѣ семъ, съ намѣреньемъ, не были опускаемы чужесловы, по двумъ причинамъ: во первыхъ, словарникъ не законникъ, не уставщикъ, а сборщикъ; онъ обязанъ собрать и дать все то, что есть, позволяя себѣ развѣ только указанія на неправильность, уклоненія, и примѣры для замѣны дурнаго лучшимъ; во вторыхъ, долгъ его перевести каждое изъ принятыхъ словъ на свой языкъ, и выставить тутъ же все равносильныя, отвѣчающія или близкія ему выраженія рускаго языка, чтобы показать, есть ли у насъ слово это, или его нѣтъ. Отъ исключенія изъ словаря чужихъ словъ, ихъ въ обиходѣ конечно не убудеть; а помѣщеніе ихъ, съ удачнымъ переводомъ, могло бы иногда пробудить чувство, вкусъ и любовь къ чистотѣ языка.

Переводы эти многихъ соблазняютъ и вызываютъ на глумленіе; признаемся, что на это пенять нельзя: гдѣ только, въ примѣненіи малоизвѣстнаго слова, видна натяжка, а тѣмъ болѣе во вновь образованомъ погрѣшность противъ духа языка, тамъ оно глядитъ рождномъ. Мы не совсѣмъ еще отстали отъ ошибочныхъ убѣжденій шишковскихъ временъ, что чужія выраженія должны переводиться дословно и заключать въ переводѣ именно все тѣ понятія, какія находимъ въ первыхъ; обычай этотъ крайне затрудняетъ поисканіе равносильныхъ чужимъ рускиихъ словъ; ухо, привычное къ *эманципации, цивилизации, гуманности*, не находитъ этихъ знакомыхъ звуковъ ни въ одномъ рускомъ словѣ, и потому, какъ ни переводитъ ихъ, все многіе будутъ отвѣчать: нѣтъ, это не то. Но стѣбитъ только, принявъ, обусловить выраженіе, и оно будетъ именно то! Переводы буквальные, требующіе сварки двухъ-трехъ словъ, всегда почти бываютъ неудачны, потому что это противно духу нашего языка и что способъ этотъ даетъ слова неуклюжія, нерѣдко еще болѣе дикія, чѣмъ чужое слово, которое хотя бы имъ замѣнить; но коли народъ, не надрываясь умничаньемъ, безъ натуги, дастъ чему свою кличку, вѣрно произведеную отъ одного, главнаго понятія, то, воля ваша, одна только причуда и утрата вкуса и чувства къ своему языку могутъ чуждаться такихъ словъ. Весьма трудно установить въ дѣлѣ семъ правую средину, не вдаваясь въ крайности: одни пытаются вводить слова не совсѣмъ удачно выбранные (нынѣ впрочемъ и это рѣдкость), другіе встрѣчаютъ ихъ разъ на всегда съ предубѣжденьемъ, весьма часто основаннымъ

на отчужденіи отъ книжнаго языка. Но ради сего нельзя же, махнувъ рукой, покинуть дѣло; казалось бы, сознавая весь вредъ и все зло отъ наводненія и искаженія языка чужими реченіями, всякъ долженъ противиться этому по своимъ силамъ. Если предлагаемая слова не сыщутъ одобренія и приѣма у писателей, то можетъ быть дадутъ поводъ къ толкамъ и къ отысканію другихъ и лучшихъ словъ, и тогда цѣль наша очевидно будетъ достигнута. Замѣчу здѣсь однако же вторично, по поводу намека, коимъ старались заподозрѣть добросовѣстность собирателя, что въ переводахъ чужихъ словъ могутъ попадаться въ словарь изрѣдка вновь сочиненныя слова, отдаваемые на общій судъ, но въ красной строкѣ или въ числѣ объясняемыхъ словъ, *сочиненныхъ мною словъ нѣтъ*. Но даже и первыя, большею частію, не сочинены вновь, а они есть, но имъ можетъ быть доселѣ не было придаваемо именно этого частнаго значенія, или они вообще читателю не были извѣстны. Если я, напримѣръ, предложилъ, вмѣсто *автоматъ*, болѣе понятное рускому слово *живуля*, то оно не выдуманно мною, хотя и не употреблялось въ семь значеній; оно есть напр. въ загадкѣ: Сидитъ живая живулька на живомъ стулечкѣ, тербитъ живое мясо (младенецъ сосеть грудь).

Послѣ сего понятно, для чего выраженія рускія, при объясненіи ихъ, между прочимъ, толкуются также и наоборотъ болѣе или менѣе принятыми чужесловами: не для того, конечно, что бы свое слово замѣнить чужимъ, а напротивъ, что бы указать или напомнить, какимъ рускимъ словомъ можетъ быть замѣнено иноземное, не рѣдко читателю болѣе знакомое, чѣмъ свое, родное. Первое найдется впрочемъ и на своемъ мѣстѣ, гдѣ должно быть объяснено подробнѣе.

Надо также сказать нѣсколько словъ о правописаніи, принятой въ словарь. Это дѣло у насъ задача трудная; куда пишешь сплеча (вотъ и спотычка: иной пишетъ *съ плеча*, хотя наречію *сплеча* усвоено вовсе иное значеніе, чѣмъ речи *съ плеча*; нпрм. *сыми мышокъ съ плеча*), такъ сходитъ съ рукъ на всякій ладъ, а какъ приходится отдать отчетъ себѣ и людямъ въ каждой буквѣ, да постановить общія и частныя правила, то нисколько не желая быть, ни новщикомъ, ни отщепенцемъ, вынужденъ однако же рѣшиться, въ сомнительныхъ случаяхъ, на то, либо на другое, по крайнему разумію, и можетъ быть иногда невольно впадаешь въ крайности. Вотъ главнѣйшія, принятыя въ словарь правила:

1. Писать какъ можно ближе къ общепринятому произношенію, на сколько это позволяютъ прочія, не менѣе важныя правила, и самый обычай.

2. Стараться сохранять, безъ натяжки, намекъ на производство, что бы нагляднѣе осмыслить слово.

3. Не сдвигать буквъ, безъ прямой нужды, т. е. гдѣ говоръ этого не требуетъ настоятельно, и потому писать: *собранный, воображеніе; низменный, подлинный*; также: *алопатія, грамматика, абатъ, корректура*; буквы *р, с*, никогда не сдвигаются, какъ довольно твердыя по себѣ, почему и пишу: *касирь*, и даже *рускій и Росія*. Но *непрежанный, благосклонный* нпр. требуютъ сдвоенія буквы *и*.

4. Въ слитныхъ предлогахъ *из, без, раз*, буква *з* иногда произносится и пишется *с*, какъ объяснено въ словарѣ, см. *без*.

5. Букву *н*, въ коей былъ нѣкогда смыслъ и значеніе, какъ и въ *юсть*, а нынѣ отживающую вѣкъ свой, нельзя выкинуть, по привычкѣ къ ней, но можно ее исподволь выжимать. Пишутъ *лькаръ* и *лекаръ, льчить* и *лечить*, и я беру второе, хотя другіе славянскіе языки и указываютъ, что, по старинному, *лькаръ* и *лчить* правильнѣе. Если мы пишемъ *одежда* и *надежда* (и наоборотъ: *сѣдла, звѣзды*—сѣдла, звѣзды), то к чему писать *свѣднїе*, ссылаясь на церковное *вѣдѣти*, когда въ церковномъ же находимъ *рещи* и *речь*, и не вѣдомо к чему, пишемъ *рѣчь, нарѣчіе*? Съ чего взято писать *двѣнадцать*, говоря, напримѣръ, о дванадесяти мужикахъ? к чему даже и чужія слова, какъ *апрель*, обращать въ *апрѣль*? Словомъ, гдѣ нѣтъ настоячиваго требованія на *н*, тамъ пишу *е*.

6. Гдѣ, по произношенію, можно, тамъ выкидываю *ь*, и пишу: *меньше, дети, писмо*; а гдѣ нельзя, тамъ пишу: *мыль горько*, для отлики отъ: *дрова горятъ горько*.

7. Предложныя наречія, кажется, лучше соединять въ одно слово: *насквозь, подладъ, наподхватъ* нпр. это тѣмъ нужнѣе, что нерѣдко удареніе переходитъ на предлогъ, и что бы показать это, надо бы связать его соединительной черточкой (удареніе на односложномъ словѣ безъ смысла), которой у насъ не любить. Тамъ однако, гдѣ удареніе переходитъ на предлогъ, гдѣ указательная частица привѣшивается, или гдѣ два слова соединяются и получаютъ новое, особое значеніе, тамъ лучше ставить эту черточку, какъ нпр. *итти по-воду, за-рѣку, по-хорошу миль*; а также: *лошадь-та, ребята-тъ, мужикъ-этъ*; или названія: *земляной-ладанъ, калмыцкій-чай, мышій-горохъ*.